

В современном языке слово *каменный* обозначает следующие качества человека: 'неподвижный, застывший, безжизненный; равнодушный, бесчувственный, жестокий, непоколебимый, стойкий, твердый' (СРЯ 2, 23). Иначе говоря, *каменный человек* – это человек, не обладающий человеческими чувствами, такими, как жалость, доброта и т.п. *Окаменеть* – значит стать неподвижным, мертвым.

Собственно, *дерево* также образует аналогичный глагол. *Одеревенеть* – буквально 'стать как дерево' – стать безличным, безучастным ко всему, утратить способность к проявлению каких-либо чувств (СРЯ 2, 591). Стоит отметить, что в словаре В. Даля зафиксированы также значения 'поглупеть', 'отупеть'. *Деревянный человек* – человек, утративший не сами чувства, а только способность их выражать. Иначе говоря, семантика неподвижности здесь также присутствует, но сем жестокости и омертвелости здесь, скорее всего, нет.

Олицетворение дерева, а не камня, кажется вполне вероятным, так как оно обладает важными признаками, близкими человеческим, а именно: способность издавать звук, возможность проследить его рост, нейтральная температура, в отличие от камня и железа, которые не обладают теплом человека. На фоне этих сравнений дерево стоит ближе к человеку, нежели многие другие явления природы.

Таким образом, глупым могло быть осмыслено явление, которое осмысляется как живое, но неспособное к выражению чувств и передвижению. Например: (*стоять, сидеть*) как пень – ничего не понимая, неподвижно, бессмысленно (СРЯ 3, 40); *чурка – перен. простореч.* 'о малопоподвижном или бесчувственном, тупом человеке' (ССРЛЯ 14, 1205); *Стоя като дърво* 'стоять как дерево] стоять как пень' (Чукалов, 160).

Благодаря одной из вышеперечисленных причин (или же несколькими из них) дерево стало отождествляться с чисто человеческими качествами. И несмотря на то, что большинство из перечисленных выше реалий практически исчезли из современного городского быта, слова остаются более или менее актуальными в нашей речи и не затрудняют понимания благодаря своим переносным значениям.

Н.В. Гулятьева

Язык заговора: основные параметры

Если говорить о языке заговора, приходится прежде всего считаться с тем, что традиционно заговор определяется как фольклорный жанр, значит, прежде всего следует дать определение языка фольклора.

С одной стороны, фольклор понимается как народное поэтическое творчество, как искусство, с другой – это одна из сфер традиционной духовной культуры. Последний из указанных аспектов соотносится с

пониманием языка фольклора в русле семиотики как некоего кода, специфическим образом транслирующего этнокультурную информацию. Специфичность доказывается наличием особой, «фольклорной» картины мира, эксплицированной в фольклорной лексике.

С.Е. Никитина в работе «Устная народная культура и языковое сознание» отмечает следующие черты фольклорного мира: 1) нормативный характер, 2) символичность, 3) семиотичность.

Нормативность фольклорного мира проявляется, в частности, в функции постоянных эпитетов – «являть каждый раз предмет таким, каким он должен быть по своей природе и назначению... Девушка всегда красная, сабля всегда острая (иначе она не сабля), даже когда ее нужно поострить»¹.

Специфичность данной картины мира по сравнению с традиционной картиной мира, воссозданной на неязыковом материале, проявляется, в частности, в ее нетождественности модели мира, реконструируемой на основании этнографических данных².

Возвращаясь к вопросу о языке фольклора, обратимся к мнению Никитиной, согласно которому язык фольклора в лингвистическом понимании можно рассматривать как особый стилистический пласт, противопоставленный языку художественной литературы, а вместе с последним – другим языковым стилям (научному, деловому и т.д.). Тот же исследователь дает определение языка фольклора как наддиалектной художественной формы языка³.

Другое определение дает А.П. Хроленко: «Язык фольклора – это одна из функционально-стилевых разновидностей диалектной речи»⁴.

М.А. Кумахов называет язык фольклора («язык устной поэзии») разновидностью (формой существования) языка⁵.

Итак, что же такое «язык фольклора» – стилистическая разновидность или форма существования языка? Для функционального стиля, по мнению М.Н. Кожинной, характерен следующий набор признаков:

1) функционирование в той или иной общественной сфере человеческой деятельности;

2) наличие своих принципов отбора и сочетания языковых средств;

¹ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 66.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 62.

⁴ Хроленко А.П. Современная отечественная лингвофольклористика: цели, проблемы и перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: Лексика и грамматика. М., 1992. С. 157.

⁵ Кумахов М.А. О функциональном статусе слова и морфемы в языке устной поэзии // Вопр. языкознания. 1982. № 6. С. 83.

3) отбор и сочетание языковых средств имеет характер осознанной нормы⁶.

Как кажется, именно последний признак (наличие осознанной нормы) можно считать основополагающим в разграничении стиля и формы существования языка: территориальные, профессиональные и социальные диалекты как формы языка обусловлены дифференциацией языкового коллектива, тогда как стили определены наличием различных ситуаций речевого общения. Поэтому каждый носитель языка в принципе владеет несколькими (или всеми) стилями данного языка и легко, сознательно переключается с одного стиля на другой, что затруднено в случае использования формы языка: находясь как бы «внутри» подъязыка, человек не может свободно переключиться на другую форму (наиболее прозрачный пример -- территориальный диалект, наименее -- профессиональный, так как он определяется, главным образом, сферой общения).

Можно ли применить критерий наличия/отсутствия осознанной нормы по отношению к языку фольклора? Степень осознанности, по-видимому, напрямую связана с жанрами фольклора. Язык фольклора реализуется только в фольклорных произведениях, и если такое произведение имеет четкую ритмико-интонационную структуру и резко отграничено от обыденной речи, то вероятно осознание языка этих произведений как особенного, «поэтического» или «магического» (в зависимости от функции жанра), другое дело, если нет сигналов завершенности текста или если вообще не осознается его жанровая принадлежность к народному творчеству (некоторые жанры сказочной прозы, например, былички), в последнем случае фольклорное произведение может быть расценено как явление, существующее в рамках диалекта. Однако можно предположить, что и в жестко заданном жанром фольклорном тексте осознается именно отличие, что, а не как, поскольку сохранение фольклорных текстов осуществляется благодаря традиции, причем передаются не отдельные «кусочки», элементы текстов, а целостные произведения. Таким образом, варьирование осуществляется на основе текста, внутри него и в соответствии с его законами. Следовательно, указанный критерий не позволяет определенно отнести язык фольклора ни к стилю, ни к форме языка. Конечно, в большей степени можно говорить о функциональном стиле, но возможно только внутри текста как завершенного художественного целого.

Когда мы говорим, что язык фольклора реализуется только в художественном тексте, что только в контексте произведения можно

⁶ *Кожина М.Н.* О понятии и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962. С. 15–16.

определить семантическую нагрузку лексем национального языка, напрашивается сопоставление с языком художественной литературы. Их общность – в создании «иной» реальности, в превалировании эстетической функции языка по сравнению с остальными. Но и место языка художественной литературы в сопоставлении с национальным языком до сих пор не определено: в ряду функциональных стилей он явно занимает особое положение, хотя и обслуживает, как говорят сторонники функционального подхода, одну из сфер человеческой деятельности и общения – эстетическую область⁷.

Тем не менее, если согласиться с мнением Кожиной, язык фольклора, аналогично языку художественной литературы (ЯХЛ), является функциональным стилем национального языка. В таком случае, можно ли утверждать, что язык заговора – это разновидность языка фольклора (ЯФ)? По-видимому, такое утверждение является преждевременным, и вот по каким причинам: жанр художественной литературы выделяют на основе принадлежности к тому или иному литературному роду, а также по преобладающему эстетическому качеству – комический, трагический, элегический жанр и т.д.⁸ Такое определение может отчасти быть применено и к жанрам фольклора, за исключением обрядовых. Очевидно, для заговора главным критерием в определении жанра оказывается его бытовое назначение. Итак, если фольклор – это искусство, то некоторые жанры так называемой обрядовой поэзии не укладываются в привычные рамки этого определения, в особенности жанр заговора. В какой степени заговорный текст – это произведение искусства, если заговор очень тесно связан с ситуацией и востребован только тогда, когда необходимо изменить существующее положение вещей?

Конечно, эстетическая функция слова имеет место в заговоре, но она подчинена другой – ведущей функции – магической, функции воздействия на определенный объект. Таким образом, невозможно рассмотрение заговорного текста как художественного произведения (или такое рассмотрение возможно только по отношению к его отдельным фрагментам), так как жесткие рамки заговора заданы экстралингвистически.

Укажем на некоторые аспекты заговорного текста, заданные «извне».

1. *Фонетика*. Особая значимость заговорного (сакрального) текста предполагала заучивание его наизусть. С этим связана «ориентация на эмпирически усвоенную норму произношения старшего по возрасту

⁷ Кожина М.Н. О понятии и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. С. 29–30.

⁸ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 106.

носителя говора» и «архаичность» произношения при воспроизведении текстов заговоров⁹.

2. *Лексика*. Для заговорных текстов характерно использование тавтологических сочетаний типа *полуденная полуденница, полуночная полуночница, щекотушная щекотушница* (лечебный заговор: Каменск-Уральский, 1976). По мнению Л.Г. Невской, повтор языковых элементов характерен для ритуальных текстов в целом, он отражает мифопоэтический способ мышления и знаменует собой постоянное возвращение к сакральному прецеденту¹⁰.

3. *Синтаксис*. Заговор связан с ситуацией и изоморфен ей. Заговор использует магические представления о возможности воздействия на объект по принципу «подобное производит подобное», реализуя его как параллельную синтаксическую конструкцию. В качестве иллюстрации можно привести следующий заговорный текст: *Как дым вьется-бьется, покоя не зная, так бы у раба божьего (имярек) сердце вилось-билося, покоя не зная, о рабе божьей (имярек)...* (любовный заговор-«присушка»: Нейво-Рудянка, 1981). Выбор объекта сопоставления, представленного в параллельной конструкции заговора, нередко определяется некими действиями заговаривающего, осуществляемыми в процессе произнесения текста. Так, появление слова *сучок* в заговорной конструкции «*Как на дереве сучок сохнет, так у (...) чирий сохнет*» (лечебный заговор: В-Салд. р-н, 1982) объясняется манипуляцией с указанным объектом в ходе заговорно-заклинательного акта: «Безымянным пальцем левой руки водишь вокруг сучка на стене, потом этим же пальцем водишь вокруг чирья».

Суммируя вышесказанное, можно в первом приближении определить особенности языка заговора. Язык заговора – это не форма существования языка в традиционном понимании, так как нет ограниченного языкового коллектива, использующего его в качестве средства общения, с другой стороны, язык заговора нельзя включить в ЯФ и рассматривать его как разновидность ЯХЛ, т.е. функциональный стиль, поскольку язык фольклора как «поэтический язык» не учитывает прагматики заговора. Тем не менее, по признаку заданности ситуаций язык заговора близок к функциональному стилю, хотя «заданность» эта – слишком жесткая для стиля, так как не просто накладывает некие ограничения на использование языковых средств и предполагает их целенаправленный

⁹ Смирнова Я.В. Функционирование языковых единиц фонетической системы уральского говора в произведениях устного народного творчества (на материале текстов заговоров) // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 193.

¹⁰ Невская Л.Г. Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М., 1993. С. 129.

отбор, но и навязывает саму форму, готовую структуру, в рамках которой и осуществляется данный отбор.

Таким образом, язык заговора – это функциональная разновидность языка особого характера, которая 1) соотносится в основных моментах с типовой ситуацией и задается этой ситуацией; 2) выступает как одна из составляющих заговорно-заклинательного акта и соотносится с его акциональным и предметным планами; 3) реализует функцию воздействия.

Исходя из особенностей языка заговора возможно его изучение в плане фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса с учетом:

а) соотнесения отдельных элементов текста с элементами обрядового действия в заговорно-заклинательном акте (шире – с элементами обряда, используемого в сходной ситуации);

б) соотнесения элементов заговорного текста с аналогичными элементами, представленными в других жанрах фольклора и выявления степени их специфичности;

в) особенностей концептуализации объектов действительности.

Специфика концептуализации некоторых объектов в фольклоре отчасти характерна и для заговоров: С.Е. Никитина отмечает, что «голова фольклорного человека имеет очи/глаза (ясного сокола), брови (черного соболя), уста/губы, ще(ч)ки и не имеет носа и ушей»¹¹. При перечислении локусов болезней (в заговорах «от всех болезней») называются «буйная голова», «ясные очи», «черные брови», «белое лицо». Как правило, нос и уши действительно не упоминаются, или, по крайней мере, выступают в ином перечислительном ряду. Например, в лечебном заговоре «от уроков» (Свердловская область, Пышма, 1967) дважды перечисляются возможные места болезни: в первом случае в одном синтагматическом ряду оказываются «черные брови», «ясные очи», «ретивое сердце», в другом – «уши», «голова», «мозги», «волосы»;

г) частоты использования так называемой общефольклорной лексики типа «чистое поле», «ясный сокол», «ретивое сердце» и функций этой лексики.

Например, заговорная ситуация иногда дает лишь направление выбору, который может осуществляться в рамках общефольклорной поэтики: так, используемый в манипуляциях березовый веник соответствует в тексте образу белой березы, которая *«стояла в чистом поле, не знала ни уроков, ни призоров»*. Таким образом, фольклорная установка на изображение идеализированных объектов действительности находит свое отражение и в заговорах, конкретизируясь как утверждение отсутствия у данных объектов нежелательных для говорящего качеств.

¹¹ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. С. 84.